

Никита Миронов
**Пацанские
хроники**

18+

Никита Миронов

Пацанские хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73110258

SelfPub; 2026

Аннотация

Сибирь, 1980-е, город Белово Кемеровской области. Мороз за 40, дефицит продуктов, уличные банды. Но жизнь всё равно прекрасна, потому что можно гулять, где хочется, забираться на чердаки и стройки, дружить, с кем хочешь, влюбляться и покорять мир. История взросления главного героя и его друзей.

Никита Миронов

Пацанские хроники

- Слышь, иди сюда! Ты откуда?
- С Банка!
- А кого на Банке знаешь?
- Дисю
- А он тебя знает?
- Конечно, я Питон!

Темная вспышка от хука в висок, кроличья шапка – в черный снег. Рефлекторно хватаю ее и в полусогнутом положении бегу куда-то вбок. Не проканалю...

Вообще я не с Банка. Мой район – Чудесный край. Это белая 12-подъездная пятиэтажка, «китайская стена». И частные домики рядом. Почему Чудесный край? Хрен знает. Четыре соседних дома через улицу Советская зовутся Мозамбик. Есть еще Третий микрорайон – спальник, за которым поле. Есть Цинк – окрестности цинкового завода. Там живут «цинкачи» – дети работяг из бараков. Но круче всех, конечно, «банковские» – пацаны с Банковского переулка, упирающегося в сберкассу. Банковских все боятся, поэтому я, типа, «с Банка». Это прокатывает – если сам на них не нарвешься.

Вторая половина 80-х, зима, город Белово, Кузбасс, Си-

бирь. На самом деле он Черново, потому что снег черный от кочегарок. Закопченное – все: серые хрущевки, разбитые скамейки, здание горкома партии и даже белые ледовые скульптуры в центре города – детская радость. По улицам ходят бледные мужики с подведенными глазами. Нет, не геи. Это шахтеры: угольная пыль от ресниц не отмывается. Я одет по последней моде – серая телогрейка за 14 рублей 20 копеек из местного универмага. Руки спрятаны в рукава. Еще более модные парни разрисовывают телогрейки белизной. Из бумаги вырезается трафарет – например, орел или тигриная морда, кладется на спину телаги, через прорези мокрой от белизны кисточкой наносятся рисунок. А самые модные чуваки пришивают к воротнику телогрейки капюшон от аляски. Цвета могут не совпадать. Но – пофигу.

Жизнь у нас простая и суровая. Школа, секция бокса или борьбы, мотания по улицам, зависания в подъездах. Драки. Праздник – попасть в видеосалон, на боевик или порнуху. Кино стоит дорого – от рубля до двух. Это 10-20 булок хлеба. Можно, конечно, попросить у родителей, но фильмов много, а денег мало. Потому на «проходку» нужно стрясти. Это называется «нашкулять».

– Эй, погоди! Рубль есть? А если найду?

Пацан, не умеющий «шкулять деньги» в Белове не пацан. «Шкуляют» с него. Не умеешь отбиться – сиди дома. Бьешь или ты, или тебя. Быть вне игры – никак.

Что за Белово такой? Черета шахтерских поселков от Гра-

мотеино до Нового городка. По трассе – 30 километров, половина Москвы. Население – 93 тысячи. В каждом поселке – своя шахта. Я – парень центральной, у нас вместо шахт – пяти и даже девятиэтажки, горком, горисполком и кинотеатр «Рубин», вокзал, ДК Железнодорожников, ДК завода «Кузбассрадио» – много чего! Это сейчас говорят «моnogород» и «жопа мира», а тогда была Вселенная. Зачем я взялся ее описывать? Любовь. Ее нужно куда-то девать. А еще у меня долги. Фрэнк, Лысый, Гусь, Стефан, Хасан, Патруль, Башка, Демид, Русик... Мои друзья, враги, одноклассники, пацаны со двора – большинство не дожило до 30-ти. Сунулся в интернет – ничего. Как и не жили. Это сейчас за каждым – цифровой след. А след моих друзей – стершиеся фото на покосившихся могильных памятниках. Я живу за вас, пацаны. И должен, как смогу, сохранить о вас память.

Шершавые стены

Тусклый свет и зеленый коридор. К стене – не прислоняться, иначе обдерешься до крови. Она шершавая, в мелких камешках. Почему? А чтобы не подпирали! Не торчали в коридорах, не курили, не пили, не болтали. Коридор-то – общий! Я пришел в сознание именно там. Мне – два года, живу с родителями в общежитии Беловской трикотажной фабрики. Можно сколько угодно – и по делу – ругать «проклятый совок», но без угла тебя не оставят. Койко-место в общежитии, а то и своя комната, а там, глядишь, и квартиру дадут –

если дождешься. Мы – дождались. Батю отправили в Белово после Кемеровского мединститута – того самого, что закончила Елена Малышева, у которой вагины на шоу танцуют. Сначала дали комнату в коммуналке – девять «квадратов» на нас троих плюс теща. Потом мама получила общагу, потом отцу дали двушку-улучшенку, 50 квадратных метров на первом этаже новостройки. Рассказываю детям – не верят. Квартиру – бесплатно?! Да ладно, так не бывает! Бывает. В смысле бывало. Это сейчас в маленьких городках лечиться не у кого, а когда было распределение и давали квартиры, в каждой поликлинике работали толпы молодых врачей. Время от времени эти толпы собирались у нас. Мы ставили в зале стол, человек 15 пили, курили, смеялись. Мелкие ползали под столом. Это сейчас сплошной ЗОЖ, и сигаретный дым – атрибут ада. А в 80-х пили и дымили при детях даже врачи. А что такого? Капля никотина убивает только лошадь.

Бесплатная квартирка была, конечно, аховая. Советские строители воткнули между подъездом и большой комнатой бетонную плиту без утеплителя. В первую же зиму стена в зале покрылась льдом толщиной в ладонь! Из рта шел пар. Пока не приварили новые секции батарей, родители ночевали в ледяной пещере.

Но в целом дом по Советской, 62, был ок. 12 подъездов, ни один не закрывается! Проход в подвал, на чердак и крышу – свободный. Туда-то мы сразу и полезли. По плоской крыше бегали в лесу антенн. Дело в том, что в Белове лови-

лись лишь два канала телевидения. Чтобы смотреть телек, нужно было нужно смастерить огромную железяку, повернуть ее в правильную сторону – к телевышке соседнего города – и поймать сигнал, который шел в телевизор по толстому черному проводу. От каждой антенны в каждую квартиру тянулись черные щупальца. Иногда их обрывали и тырили. Иногда тырили сами антенны. После сильного ветра отцы семейств забирались на крышу и перенастраивали антенное хозяйство. Поправишь, спустишься, проверишь – телевизор не рябит?

Подвал был для другого. По нему с замиранием сердца шлялись. О, лютый квест! Спускаешься в первом подъезде и идешь на ощупь до 12-го. Текут трубы – кап-кап-кап, под ногами лужи хлюп-хлюп, где-то вдалеке горит лампочка – к ней, к ней – чтоб не так страшно! Было круто сделать и зажечь факел. Ну как... Поджег старый веник, вот и факел! Перспективу спалить нахрен дом мы не рассматривали. Чтобы добавить жути, рассказывали друг другу, что где-то здесь прячутся бомжи. Но бомжей не было. Они жили в других подвалах- хрушевок у вокзала.

Первый и десятый подъезды – угловые, просторные. Жильцы – вчерашние деревенские жители, выставляли в коридор сундуки, где хранилась картошка и старые шмотки. Но этих сундуках мы, пацаны, сидели, грелись и трепались. Жильцы – ноль внимания. Времена были либеральные! В первом подъезде, например, неизвестный, но умелый худож-

ник изобразил на стенах разные виды половой любви – понятные даже детям вдохновенные рисунки. И их никто не стирал! А во втором подъезде, где я жил, случился мой первый сексуальный опыт. Будучи мальчиком лет пяти я уговорил ровесницу – татарку Иру с четвертого этажа – заглянуть под лестницу, где электрощитовая. Там мы показали друг другу пиписки. Иркина мне понравилась – с тех пор торчу по татаркам.

На маленьком плоту

– Давай дверь на поддон положим и будет плот!

– А грести чем?

– Вон палка, будем от дна отталкиваться

С другом Женькой Фролкиным мы стоим на берегу огромной лужи. Рядом с «Китайской стеной» – низина, куда весной стекает талая вода. Нам, малолеткам, где по колено, а где и с головой. Тут же в низине, пытаются строить школу, но пока на площадке только доски забора, поддоны для кирпичей и куча непонятных деревьев. Это сейчас дерево дорогое, вместо него – где тонкая жесьть, где пластик. А тогда доски – повсюду, как мусор и часть ландшафта. Мы с Женькой ладим из них плот, стремясь встать на него и, отталкиваясь шестом ото дна, гребем на середину лужи. Ну как лужи – метров 500 в диаметре! С другой стороны к нам гребут Тяпа и Гусь:

– Утопим! – орет Женька и машет шестом-веслом. Те ржут.

Шлеп! В нас летят грязные брызги от брошенной в лужу коряги. Это Вася Моряк – от фамилии Маренков – кидает с берега. И, гад, ухохатывается. Всегда был уродом.

Подплываем к торчащему из воды дереву. Женька взбирается на него.

– Сейчас уплыву, а ты тут останешься, – ржу в голос. Но, конечно, не отплываю: Женька – друг.

После лужи идем на стройку: к нашему дому прилаживают продуктовый магазин. Вход, понятно, свободный – как-то не было принято закрывать. А зря. Однажды мы, малолетние придурки, развалили пинками только что сложенную в полкирпича стену. Просто так от дури. Не можешь построить – сломай.

Но главный прикол, конечно, по стенам ходить. В смысле сверху. Просто на стены еще не положили крышу. Можно забраться на четырехметровую высоту – внизу бетонный пол, и идти по кирпичам, рискуя упасть и сломать примерно все. Если ты сачок – так мы называли ссыкунов – то можно иди по стене несущей. Она толстая, в пару кирпичей. А если не сачок – иди по тонкой, межкомнатной, в полкирпича – 12 сантиметров. И ведь ходили!

Тут важно вовремя остановиться. Лет пять спустя знакомый парень по кличке Чен – лет 15 ему было, по пьянке вспомнил удалое детство. Залез в Третьем микрорайоне на

девятиэтажку, схватился за силовой кабель – такой толстый, в черной оплетке, и полез по нему на крышу соседнего пятиэтажного дома. Вроде и недалеко, метров сто. Да лезть удобно – сверху вниз, но Чен не осилил. Сначала держался руками, потом – руками и ногами, потом, наверное, протрезвев, просто вцепился в кабель... Что он чувствовал в тот момент? Молился, если умел? Вспоминал маму? Плакал от ужаса? Хоронили в закрытом гробу...

Дети вообще мало ценят жизнь. Ведь чтобы ценить, к ней нужно привыкнуть. Знакомый пацан Селедка – его звали Сережка, но он картавил – зашел на спор в открытую трансформаторную будку – пописать. Ожог 80 процентов тела, умер в больнице.

Мы были те еще идиоты. Игра «писька». Берется увесистая, во много слоев картона, труба – на нее наматывали рулоны ткани на беловской трикотажной фабрике. С одного конца поджигается. Ты ходишь, приставив к паху эту горящую трубу, а на другом конце она дымиться. Держа «письки» двумя руками, мы ими сражались. Но самый приколом было закинуть «письку» в подъезд. Через пару минут жильцы выскакивали, не одевшись, на зимнюю улицу с криками «пожар»! Задымление было таким, что приезжало сразу несколько пожарных машин, а мы ссыкливо ржали. Вдруг узнают, что мы?

Еще одна игра – жечь газеты. Выписывали тогда много: «Правда», «Известия», «Комсомолка», «Техника молодежи»... Мы, от злой дури, поджигали почтовые ящики подъ-

езд за подъездом.

Все хоккеей

Белово – это зима. Зима, блин, пять месяцев. Пять месяцев снега. Но! Мороз и солнце. Сухо. Не то что московская погань – когда то ли зима, то ли осень, мерзкая жижа под ногами, а на небе грязная простыня и хочется удавиться.

Утром, замирая, слушаешь радио.

– Температура минус 43 градуса, отменяются школьные занятия с первого по пятый класс включительно...

– Ура, гулять!

Минус 43 – холодно, да не очень. Сшитая мамой шуба, кроличья шапка с ушами, двое штанов, валенки – бегу на улицу. Куда сначала? На горку! Каждую зиму в Белове строили снежный городок. На улицу Юбилейная завозили десятки КАМАЗов снега, снег сгружали в деревянную опалубку, он застывал кубами и параллелепипедами. Из них вырезали... Да все вырезали! Драконы, Змеи, Лошади – ну, от года зависит, Иван Царевич, Дед Мороз с внучкой. Короче, красиво! Но главный прикол был, конечно, горка. Деревянная, широкая, с бортами – чтобы не вывалиться, этажа в три высотой. Спуск заливали водой и начиналась вакханалия! Если ты малолетка и сачок, бери кусок картона (лебянок и тюбингов тогда не было), клади под жопу и езжай вниз. Если ты подросток, сходи вечером на беловский рынок, оторви от киоска кусок волнистой пластмассы и катайся на нем. Если пацан

– катайся стоя! Это высший пилотаж. Задолго до роликов, скейтов, сапов – на валенках по ледяной горке сквозь обжигающий мороз! Парни постарше катались с девчонками: на ногах, толпой в обнимку. По дороге девок «мацали» – щупали через шубы. Те, конечно, визжали, что примерно означало «я – не такая». Да ладно, такая, иначе б не каталась!

Греться ходили на переговорный пункт. О чудо связи! Зумеры, для вас – на пальцах. Мобильных телефонов не было. Стационарный – не в каждой квартире. Как поговорить с тетей из Челябинска? Шлешь ей телеграмму (бумажную, по почте, не путать с «Телеграмом») и назначаешь дату созвона. Каждый приходит в переговорный пункт своего города и ждет, как космонавт, связи с Землей. «Челябинск, кабинка номер три», – объявляет телефонистка. Заходишь – там телефон. Закрылся и разговариваешь с тетей. Она тоже в кабинке, но в Челябинске. Ждать, пока соединят, правда, было можно часами – провода что ли перемерзали. Но греться детей пускали. Даже с картонками. Погрелся – пальцы оттаяли. Можно выйти, расстегнуть ширинку и пописать. Кайф. Ведь это реальный ужас, когда очень хочется писать, а расстегнуться не можешь – пальцы не слушаются!

Отдельная песня – хоккей. На весь город – один каток и только для пацанов из секции. Поэтому играли во дворе, без коньков, просто в валенках: гоняли оранжевый мячик или черную шайбу. «Ворота» – два кирпича. Самой классной клюшкой была «Мукачево», стоила 10 рублей, и хрен

достанешь.

Фонарей – ноль. Надеемся на свет из окон. От морозного дыхания уши шапки становятся белыми и хрустят. Соединяющие их шнуры – под подбородком – как стальная проволока!

– Сегодня мы Фетисов, Ларионов и Крутов! – предупреждаю соперников.

Хоккей – месилово, толкотня, треск клюшек, все толпой за шайбой. Какая тактика, какая распасовка – так, пороть-побегать.

Греемся в первом подъезде.

– А пойдёте в снег с гаражей прыгать! – предлагает Тяпа.

Бежим радостной толпой. Нога – на торчащий замок, рука привычно – за край железной двери, потом за приваренное к крыше «ухо» – металлическую петлю, за которую кран поднимает гараж при перестановке. Залезаю, прыгаю в черную пустоту и... Словно спица в глаз входит. И мокро, кровь. Под снегом оказалась доска с торчащим гвоздем. Вошел между газом и бровью. Идем назад в подъезд. Пацаны:

– Да... Снегом не ототрешь. Иди домой. Родители – убьют!

Захожу с окровавленным лицом. Погулял... Мама прикладывает мокрое полотенце. Еще бы полсантиметра и – минус глаз. Повезло.

Сейчас понимаю – Господь присматривал.

Пахаус

–

Смотри, виноград, черный!

–

Да тут толпа уже, не пробиться...

Но Женька Фролкин – борзый. Расталкивая толпу пацанов подходит к вагону.

– Дяденьки, дайте погрузить!

Один из грузчиков давит лыбу.

– Лезь сюда, пацан...

Женька резвым бесенком прыгает в вагон. А я?! Друг подмигивает: мол, не бойсь, сейчас договоримся.

Белово, лето, рельсы, железнодорожный тупик. Сюда загоняют вагоны с овощами и фруктами: разгружать в машины и развозить по магазинам. Работать грузчикам в лом. Кто бухой, кто с похмелья, они стараются приткнуться где-нибудь в тени, покурить и поболтать. Пацаны – тут как тут. Мы готовы таскать ящики хоть целый день – лишь бы дали что-нибудь стырить. В этом суть негласного договора. Мужики отдыхают, ты работаешь, но в конце дня можешь утащить ящик винограда, съесть его весь и обдристаться. В чем тут прикол?

А в том, что лето в Белове жаркое, но короткое. Фрукты не вызревают. Максимум – мелкие яблочки, «полукультурки», потому что на сорт вроде «Семеринки» или «Беркутовки» – не тянут. Мы лазаем по огородам в частном секторе и обтря-

саем еще не созревшие яблочки. Но «полукультурки» – почти как ананасы: экзотика, большая редкость. Информация о том, где такие растут, передается по секрету – иначе придет толпа и обтрясет за день! В основном мы жрем ранетки – мелкие, как виноградины, желтые или красные плоды. Кисло-сладкие. Южные фрукты для нас – как кола для папуаса, дар небес. За ними и идем на пакгауз – «фруктовый» жд-ту-пик. Слово, понятно, никто не выговаривает, поэтому – па-хаус.

Через какое-то время Женька «договаривается» и вот в вагон запрыгиваю я – таскать виноград. Если повезет, до вечера можно и не впахивать: ящик на двоих-троих дадут, когда наполнится машина. А если не дадут, его можно тихонько стырить – когда грузчики или кладовщик отвернутся. Схема простая: передаешь знакомому пацану, тот, как молния, ныряет под вагон и убегает с ящиком через пути. В этот раз мы так и сделали – скооперировались с Гусем со двора. Поработали для вида какое-то время, взяли, как оплату, скромно по кисточке и пошли искать Гуся с ящиком. Тот, понятно, пол-ящика уже сожрал!

А еще здорово тырить арбузы. Украл – разбил об рельсы и ешь. Вот прям все лицо в красную мякоть погружаешь и грызешь – как собака! Самые запасливые пацаны таскали с собой ложки. Это уже для эстетов: разбил на две половинки об рельсы, одну кладешь на щебенку, другую на колени и ложкой, ложкой. Ох и кайф!

Конечно, фрукты было можно купить. Но это ж надо очередь отстоять, поругаться с продавцом – чтобы гниль не подсунула («А куда мне ее девать, с меня потом вычтут!» – обычно орала тетка), заплатить деньги. В любом случае, это делали родители. Мы же добывали сами. Однажды я унес с пахауса ящик винограда, спрятал за гаражами, и каждый день приходил есть. Через несколько дней, правда, виноград сморщился – почти в изюм. Но не мог же я домой ящик припереть. Как объяснить – откуда?

Лишь много лет позднее я поднялся из статуса мелкого несуна в грузчики. Верх карьеры – вагон перца: мы раскидали по его машинам и получили фиолетовую бумажку – 25 рублей на троих. И по пакету перцев. Потом делили четвертной на квартире у Башки – его мама разменяла купюрку. Домой я пришел около полуночи, дико гордый, с перцами, шурша в кармане рублями.

20 копеек

Бутылки – это деньги. Если сдашь. А сдашь, если есть тара. Когда накрывала алчность, я брал авоську – плетеную сетчатую сумку, и обходил все 12 подъездов. У советских была странная традиция: бутылки не выбрасывать, а выставить в подъезд. Может хотели со временем сдать? Я не оставлял им шанса. Нет, сдавать молочные – 15 копеек поллитровая, 20 – литр – было легко. Приносишь, тщательно вымыв, в магазин и отдаешь продавщице молочного отдела. Их тут

же ставят в металлический, с ячейками, ящик. А вот бутылки из-под водки, лимонада, газировки, винища сдать почти невозможно. О, родной Совок! О, приемщицы стеклотары! О, раздолбанные ящики, которых всегда не хватало! Дайте мне успокоиться.

Пункт приема стеклотары – зеленый деревянный домик с пристроенным сараем-складом. В домике властвует женщина трудной судьбы с неприятным морщинистым лицом. Власть ее – беспредельна! Все городские ханьги, бомжи, все, кто поиздержался в запое, но имел «золотой запас» в виде стеклотары, были ее рабами. Женщина могла принять и могла отказать. Она имела право глумиться и сполна им пользовалась. «Сдери этикетку, и чтобы следов клея не осталось!» «Ты что мне принес? Она битая!» – и указывала на мельчайший, но замеченный опытным взглядом скол на горлышке. «Винные сегодня не принимаю, несите «чебурашки»! «Чебурашки» – поллитровки от лимонада и водки. Не путать с водочными, у которых высокое горлышко. Сдать бутылки из-под шампанского было неслыханной, как покупка цветного телевизора, удачей. Только по благу: если приемщица приберегла для тебя тару. Я, пацан, таких связей не имел и иметь не мог. Подольститься приемщице могли только члены «сборной гастронома» – местные алкаши, жившие сдачей посуды. Они безропотно таскали ящики, чинили их с помощью мелких гвоздиков и мата, грузили в машины. И для них тара была.

Пустые бутылки стоили 20 копеек, это сумма. Ведь булка хлеба – 18 копеек, булочка «Майская» с повидлом, самая вкусная в мире – 7, мороженое – от 10 до 20-ти. Сдав пять бутылок, можно было прожить день! Однажды, было лето, я поругался с мамой. Она отчитала меня за плохо помытый в прихожей пол. И я, как был, в носках, решил уйти из дома. Носки снял, сунул в карманы, засучил повыше брюки, так и ходил по городу – как Гекельберри Финн. Нашел бутылку, сдал, купил пару булочек, потом – на пахаус, что-то там стырил, попил воды из колонки. Но к вечеру с грязными ногами вернулся. Мама ничего не спросила.

Порою в бизнес с бутылками грубо вмешивались цыгане. Время от времени во дворы заезжала запряженная лошастью телега. Ей управлял спокойный и мудрый, как Бодхисатва, бородатый Будулай. Он принимал бутылки «в розницу» – по 10 копеек, а потом сдавал оптом – по 20. Прибыль в 100% – хороший навар! Лет в 6-7 я искренне мечтал стать цыганом, чтобы ездить на лошади, да еще и много зарабатывать. Но жизнь, увы, пошла по кривой. И полной, и быстро пустеющей посуды в ней было с избытком. А вот лошади – ни одной.

Мой бутылочный бизнес длился несколько лет. Но в конце концов приемщица так разочаровала, что я пришел к ее домику пораньше и написал мелом на двери: «Осторожно, старая сука, может укусить!» Каюсь, каюсь... Обогнал эпоху. Время алчных детишек, желающих делать бабки с третьего класса, еще не пришло.

Поджига

А вот куда дурь девать? Ну агрессию там, жажду приключений? Это сейчас видеоигры – мочи, кого хочешь. Сейчас – скалодромы, батутные центры, скейт-парки и прочие локации для переломов. Беловским детям оставались стройки, прыжки с гаража на гараж и железная дорога. На «железку» мы ходили плющить гвозди. Белово – маленький город, но – большой транспортный узел. Составы с углем ходят чаще, чем электрички Лобня – Одинцово. А значит берешь дома гвозди, идешь на «железку» и раскладываешь их на рельсах. Прошел поезд – собираешь сплюсненные. Фартануло – гвоздь сплюснен аккуратно, как лезвие ножа, хотя и потолще. Ничего, напильником подточим, заострим, снизу намотаем мягкую цветную проволоку – вот вам и детский ножик. Ну да, маленький, кривой, зато сам, все сам!

А еще нам хотелось грохота! Ну чтоб бабахало, взрывалось и пугало до икоты. Самый просто способ – запалить костер. Проблем – ноль: отойди метров сто от дома и жги, никто слова не скажет. А чтобы был грохот, нужно в огонь что-то кинуть. Идем с Женькой на мусорку. Контейнеры вывозят редко, и помойка, как всегда, переполнена.

– Смотри, дихлофос!

– А вот лак еще для волос, – перебираем сокровища. Для костра годится все, что взрывается. Даже кусок шифера: при нагревании он с треском разлетается в стороны. Разводим

огонь, кидаем в костер флаконы и шифер, ржем и убегаем подальше. Ба-бах! Ты-дыщ! Грохот, хохот, собака не первом этаже заходится истеричным даем – испугалась. До чего ж, хорошо, а?!

А вот еще дюбель. Берешь его в ящике для инструментов (в каждой квартире есть обязательно), выносишь на улицу, ищешь камень или кирпич. Вбиваешь дюбель до половины длины в асфальт. Вытаскиваешь. Затем берешь коробок спичек (в магазине стоит копейку, детям продают) и аккуратно, ножичком, крошишь в лунку из-под дюбеля все спичечные головки. Получилось? Отлично! Ставишь дюбель сверху, кидаешь на него кирпич. Ба-бах! Грохот, дым, красота. В асфальте – яма.

Отличная игрушка – пугач. Находишь на помойке старый холодильник, отрываешь медную трубку, по которой течет фреон. С одной стороны плющишь и загибаешь. С другой – забиваешь, как можно плотнее, на дно фольгу. Еще нужен согнутый под прямым углом гвоздь, кусок жгута – резинки из автомобильной аптечки и, конечно, спички. Крошишь несколько головок в трубку, вставляешь туда под углом гвоздь, натягиваешь жгут, бросаешь на асфальт. Ты-дыщ! Бабульки вздрагивают, дети орут, собаки в истерике.

Однажды мы с Женькой решили, что уже взрослые. И решили сделать поджигу. По сути – огнестрел, из которого убить – как два пальца. Едем на Чермет – склад-свалку металла в Старо-Белово. О Чермет, чудо из чудес, памятник

советской расточительности! Нет больше таких и не будет. Запечатлеем же его в веках. Представьте поле с горами металла. Называется Чермет – вроде как металл черный, хотя он, по большей части, цветной. Старые автомобильные аккумуляторы, холодильники, проволока в цветной и черной оплетке, силовые кабели. Сейчас это невероятное богатство растащили бы за ночь, сдав утром в пункты приема цветмета и став к обеду миллионерами. Но в советском Белове это было просто барахло, которое время от времени сортировали и вывозили не пойми куда. На переплавку? В любом случае – доступ свободный, и найти можно примерно все! Мы же ищем толстую стальную трубку. Медь – не годится: нам нужен реальный ствол. Находим, отпиливаем, сплющиваем конец, заливаем на доньшко немного свинца – пластину расплавленного аккумулятора. Затем я вырезаю на трудах ножовкой корягу, похожую на пистолет. К коряге проволокой приматываем трубку. Дальше – самое сложное. Женька на трудах самым тонким сверлом делает в основании трубки тоненькую дырочку. Поджига готова.

– Спички принес?

– Два коробка

– Одного хватит

Мы – на стройке, чтоб не палиться. Крошим на обрывок газеты спичечные головки. 60 штук. Ссыпаем их в ствол. Затем Женька – он главный – палкой забивает в ствол пыж: кусок той же газеты. Так большие пацаны делали. Потом,

обернув газетой, чтоб не выскользнула, кладем в ствол «пулю» – мелкий металлический бочонок, их много валяется по городу. Затем дырочка в трубе забивается спичечной головкой. Сфинктер сжимается, пальцы подрагивают, хочется ссать. Чтобы поджига выстрелила и пуля вылетела, достаточно провести черкашом спичечного коробка по стволу – где головка. Она воспламенится, искра попадет в трубку и будет большой бада-бум. Или не будет? Женька дерзко оптимистичен.

– Ставь бутылку на кирпичи, я сейчас ее выстрелом расхерачу!

– Погоди, погоди, на меня не наводи только!

Ставлю бутылку, отхожу в сторону, зажмуриваюсь, глядя на Женьку из прорези одного глаза.

– Не ссы! – презрительно улыбается друг и проводит черкашом по трубке. Бах!...

В руках у Женьки поджига с развороченным дулом. Трубка–цветок с металлическими лепестками. Хорошо, руку с черкашом успел убрать...

Доллар

Самцы метят территорию. А мы таки подрастали. Идею предложил Андрюха Белкин – сосед со второго этажа. Он придумал надпись «Бечан» – фиг знает, что означает, наверное «Белкин Андрей» с непонятным Ч посреди – и стал наносить ее везде, куда дотягивался. Женька же придумал ма-

левать корону, а я – знак доллара. Где в городе гуляешь, там и рисуешь значок! Баллончиков с краской тогда не было, а вот цветных мелков – сколько хочешь. Ими и метили территорию. На стенах домов, в подъездах, было круто нацарапать гвоздем на телефонной будке. Ну, типа, я здесь был, это мой город. Мы, конечно, так не думали, но инстинкт нашептывал. Школу, понятно, пометили тоже. И меня спалили. Валентине Яковлевне, класснухе, кто-то доложил, и она поняла все по-своему.

– Миронов, а ты знаешь, что доллар – это знак американских денег? Американских! США -капиталистическая страна, главный враг СССР. Ты работаешь на нашего врага! А ведь твой папа – коммунист. И я, между прочим, кандидат в члены КПСС!

Вот дуреха! Хм... Но почему доллар? Андрюха Белкин позиционировал себя по номиналу. Ну да, «Бечан», Белкин Андрей. Женька, если углубиться в примитивный психоанализ, хотел быть королем. А я, похоже, – финансовым магнатом! Доллар в глаза не видел, но мистическую силу чувствовал. Прошло меньше десятка лет и он, зараза, всех нас победил! И до сих пор побеждает, чего бы там про особый путь ни говорили. Похоже, восьмилетний советский пацан все задницей чувствовал: страна вот-вот накроется звездой, будем молиться зелененьким бумажкам. Не можешь предотвратить – примкни. А лучше возглавь.

Головы чугунные

– Брежнев умер

– Ага. И чо?

– Как чо?

– Дальше чо?

Мой друг Андрей Белкин крутит головой.

– В смысле умер?! – наконец-то доходит до меня.

– Сегодня по телеку сказали.

Мы постоянно рассказывали про дедушку анекдоты. Когда он говорил «сосиски сраные» вместо «социалистические страны». Или читал с листа ООООО, а ему подсказывали, что это пять олимпийских колец. «Брежнев умер» звучало как начало анекдота. А он умер! В смысле? Разве Брежнев может умереть?!

Заплаканная класснуха отпустила нас с занятий домой. А моя бабушка Маша сказала: «Америка, наверное, радуется».

Между тем, началась новая эра. Пока, правда, незаметно.

Меня приняли в пионеры в конце третьего класса. Ну как же – отличник, хоть и с придурью – доллары рисует.

– К борьбе за дело коммунистической партии будьте готовы!

– Всегда готовы!

Я честно решил, что стану другим. Не буду врать и материться. Каждую утро гладил галстук, купленный в «Детском мире» за 55 копеек. Уже тогда взрослые шуточно риф-

мовали: «Пионеры юные – головы чугунные». Одноклассники слабо понимали, зачем мы пионеры. Принимали-то всех. Двоечников – последними. Но я был не только отличник, но и висел на школьной доске почета. А школа присылала маме Благодарственные письма – за хорошее воспитание сына. Хорошим, впрочем, я был недолго. Действительность победила.

Между красным галстуком, знаменем пионерской дружины, репортажами по телеку о передовиках и всем остальным была бездна. Засыпанный сажей город, полупустые магазины, где находчивые продавцы на полках выкладывали крепости из консервных банок, намекая на изобилие, алкаши, бомжи, слухи о скорой ядерной войне.

– Пап, а что такое гонка вооружений?

– Ну...

– Ее надо взорвать, да и все!

Я был уверен, что «гонка» – это такая гоночная машина, как моя игрушка. Только опасная. И если ее взорвать или бросить под поезд, то ядерной войны не будет.

А война, между тем, надвигалась. «Ядерные испытания», «хищники империализма», «маневры НАТО» – хоть телек не включай. Было ли страшно? Да. Представляю, как дети боятся сейчас – когда все то же самое из каждого телефона!

Удивительное дело: я искренне гордился, что живу (кто бы сомневался!) в лучшей стране мира – самой большой, справедливой и сильной. А переполненные автобусы, очере-

ди за едой, шмоток нормальных нет, закопченный город – это про другое. Или про то же самое? Нет, нет! Есть какой-то другой СССР, где чисто, тепло и много продуктов.

Нам рассказывали, что Америка плохая. А это как? Наверное американцы учат своих детей материться, – думал беловский пионер. И, кстати, забыв клятву самому себе, начал материться сам.

Бородатый мастурбатор

Секса в Белове не было. Ну как... По рукам ходили колоды карт с голыми женщинами – засаленные пятые копии, сделанные из фотобумаги. Колоды были неполные – лучшие образцы оставляли на добрую память. Были рисунки в общественных туалетах. Там пассивные граждане предлагали активным приятно провести время и точно указывали, как именно. Предложения – для наглядности – сопровождались рисунками. Давать телефоны было нельзя, поэтому предлагались встречи, скажем, по субботам на такой-то скамейке такого-то парка. Если учесть, что за мужеложество грозил срок до пяти лет, а за связь с несовершеннолетними и все восемь, то, надо понимать, рисковали несчастные не только задницей. И все-таки мутные волны сексуальной революции до Сибири докатывались!

Однажды на перемене в класс забежала Наташка Ростовцева. Пунцовая, глаза круглые, она тут же села за парту и закрыла голову руками.

– Наташ, ты чего?

– Там, там, у женского туалета, – задыхаясь, просипела одноклассница.

Выскакиваем в коридор. У женского туалета – последняя дверь по коридору справа – огромное, во всю стену, окно. Подоконник облеплен школьниками. Крики, визг, хохот... Протискиваюсь. Внизу, в школьном саду, среди зеленой еще листвы стоит бородатый мужик со спущенными штанами. И, глядя, на детишек, дрожит! Светлый плащ распахнут, брюки на щиколотках. Если бы там стоял инопланетянинили президент Рейган, мы удивились бы меньше: тех хоть по телеку показывали. А таких мужиков – нет.

– Айда смотреть, – кричу я пацанам, и мы несемся на улицу – поглядеть на чудо-юдо вблизи. Но у выхода – директриса.

– Мальчики, вы куда?

– Во дворе хотим погулять!

– Нечего вам там делать, идите в класс, скоро урок...

Ну что за жизнь! Сейчас бородатый извращенец стал бы героем ютуба и широчайшей общественной дискуссии «как оградить наших детей от...». Но он опередил свое время. Минута его славы была слишком короткой. Говорят, что кончил и сбежал до прихода милиции.

Покурим чаю

Мужики курили все. Куришь – значит взрослый! А мы росли. Сигареты, конечно, пацанам не продавали, поэтому многие собирали окурки. Чем длиннее, тем лучше. Можно

было найти и неприкуренную сигу – выпала из пачки. Ее называли «целка». Но в основном дети курили чай. Сворачиваешь из газеты трубочку, набиваешь и паровозно дымишь! До сих пор помню аромат! Старшие авторитетно заявляли: чай курить не вредно.

Осенью курили сухие листья. Собираешь, растираешь в порошок, забиваешь в газетный цилиндрик. Сколько в этих городских листьях было свинца и сажиста?! Мы не думали об этом. Натурпродукт. Почти полезно.

От настоящих сигарет меня спас батя. Он курил по всей квартире, и табаком провоняло все! Особенно – ковры на стенах: их вешали для красоты, словно в гареме, и утепления тонких бетонных стен. В общем, запах табака я не ненавидел с младенчества. А саму идею курения переплавил в странное хобби: собирал сигаретные пачки. О, дивный мир! Болгарские «Родопи», «Стюардессу», «Шипку» и «Ту-134» курили все. А вот советский «Космос» уже было нужно поискать! Но ведь у меня были и «Мальборо», «Честерфильд», «Бонд», «Кэмел», «Салем» – сотни пачек! Какие же они были красивые! Ни иностранное телевидение, ни журналы, ни одежды, ни игрушки не были доступны. Только маленькие, сладошку, картонные коробочки, намекавшие, что есть другой – яркий, красивый, богатый мир. Залезть за картонной коробочкой в мусорку было не запахло.

Конечно, были филателисты – они по воскресеньям обменялись своим богатством в ДК «Кузбассрадио». Были соби-

раующие значки. Позднее, под закат СССР, они даже торговали медалями дедов, твари. Но сигаретные пачки собирал я один. И каждая была посольством иностранного государства, где я никогда не побываю. Нас, советских, не очень-то выпускали. Да, мама и папа ездили по заграницам: Болгария, Румыния, Польша, Чехословакия. Но поехать втроем, со мной, им было нельзя. Семейных путевок принципиально не продавали: кто-то должен был остаться заложником. Мне же оставались только пачки. И чай.

Позднее, в четвертом классе, друг Демид – от фамилии Демидов – подбил меня курить по-взрослому – окурки. «Так я становился сильней», – спела спустя 20 лет группа «Кровосток». Ну-ну...

«Воровал деньги в раздевалке»*

С кем поведешься... Демид был тот еще жулик! Сухой, компактный, длинноносый, в веснушках, остроумный.

– Давай вместе в раздевалке дежурить? – предложил однажды.

В нашей, 80-й, школе было понятие «дежурный класс». Кто-то помогал в столовой, кто-то мыл полы, кто-то, надев красную повязку, типа следил в коридорах за порядком. А кто-то дежурил в раздевалке. Там ведь бардак. То петелька оборвалась и пальто на пол свалилось, то шарф из рукава выпал и неясно, чей он – нужно на видное место пристроить. Но мы шли не за этим. Мелкие сучата, мы лазали по карма-

нам, крысятничали. О, днище... Охоты быстро стала увлекательной. Где пять копеек, где 20, однажды Демид выудил женские часики. И что? Подарил на 8 Марта маме – сказал, что нашел.

Красть нужно было уметь. Забравшись в глубину раздевалки, мы лазали по карманам незаметно, быстро и тихо, чтобы не пропустить звук приближающихся шагов. Адреналин, жажда денег, азарт – сколько сегодня выудишь? И все-таки нас спалили. Учитель русского Ирина Николаевна звала и как пощечину хлопнула:

– Говорят, вы воруете в раздевалке. Покажите, что у вас в карманах!

Мы вытащили все. Да, много мелочи, но ни купюр, ни вещей.

– Откуда столько?

– Родители дали...

И она нас отпустила! Повезло? Не то слово. За воровство могли выгнать из школы и поставить на учет в детскую комнату милиции. А тут даже родители не узнали! Детская комната милиции, впрочем, была еще впереди.

С Демидом мы дружили лет до 12-ти. А раздружились – в минуту. Поехали как-то погулять по поселку Новый городок, болтались, трепались, поссорились. Я сел в автобус и уехал. Так бывает: вроде друзья, а потом что-то, хрусть, и отрывается. Мы больше не виделись – благо, к тому времени я сменил школу. Демид погиб в 18. Закончил ПТУ, устроился на же-

лезную дорогу. После получки напился и, возвращаясь домой, уснул на рельсах. Его переехал поезд.

Господи, почему так? Зачем был Серега Демидов? Зачем нелепо умер? Вряд ли он был великий грешник, которому не место на Земле. А может вырос бы в такого, и Всевышний прибрал? Есть версия, что человек умирает в двух случаях. Либо он выполнил свою миссию, либо видно, что выполнять даже не собирается. Из какой категории был Серега?

*Цитата из песни «Биография» группы «Кровосток».

«Это шалостью не назовешь»

Зима, зима, зима... Снова и всегда зима. Я брожу от нечего делать городу и ищу приключений. Ага, стройка. МЖК – молодежный жилой комплекс. Снег на ступеньках, свистящий в оконных проемах ветер, поднимаюсь на крышу. Крыши – моя страсть. Смотришь сверху на город и как будто сам становишься выше. Но надо что-то стырить. Не из жадности, а просто добыча. Подрастающий самец должен вернуться домой с добычей. О, прожектор! Новенький, черный, мощностью в киловатт. Беру его и тащу по темным улицам. Затаскиваю на чердак своей пятиэтажки. Там моя нычка – куча подобранного или украденного барахла, пещера Алладина с поехавшей крышей. Сокровища валяются в темноте, на слое шлака. Велосипедные цепи, старые гантели, лыжная палка, из которой я сделал копьё. А теперь вот еще и прожектор! Богат, богат...

На следующий день идем болтаться с другом Женькой – не Фролкиным, другим, Дворовенко. С нами брат Антоха – ему лет пять. Я прихватил отвертку – вдруг что интересное можно открутить? Забреедем на железку. Белово – станция узловая. Здесь десятки путей и тупиков, вагонное и локомотивное депо, там и здесь стоят груженые углем или порожние составы. Мы бесцельно бродим среди них – в Белове вообще трудно бродить осмысленно, и вдруг Женька решает пошутить. Берет башмак – железку, которую подкладывают под колесо состава, чтобы он не уехал под горку, и ставит под первый попавшийся поезд. А что, приколы! Машинист, трогается а состав не едет! Идем, хихикая, дальше, на встречу мужик. «Эй, пацаны, вы что творите?! А если авария?» Схватив нас за воротники пальто, тащит на вокзал, в детскую комнату милиции. Мелкий Антоха – в ужасе: теперь в тюрьму посадят?! Тюрьма не тюрьма, но шмонают сразу.

– Зачем отвертка?

– Так...

– Вчера со стройки кто-то прожектор украл, не ты открутил?

– Прожектор? Со стройки? Не я...

Вызывают родителей. Показания даем отдельно – все повзрослому.

– Кто башмак под поезд поставил?

Киваю в сторону закрытой двери.

– Что ты киваешь, говори, я протокол веду, – давит мили-

цейская тетка.

Закладываю Женьку. Почему-то стыдно. Хотя ведь и правда – поставил он.

К вечеру отпускают. А через несколько дней в городской газете «Знамя коммунизма», она же «Знаменка», появляется заметка «Это шалостью не назовешь», где расписывается наш грех перед железной дорогой. Чуть поезд под откос не пустили! Врут, конечно: обходчик всегда проверяет вагоны, перед тем, как поезд тронется. Но ведь и ментам надо отчитаться. Да и газете нужны ЧП. Это сейчас для попадания в СМИ нужно, как минимум, кого-то убить, изнасиловать и, желательно, съесть! А в беспробудной советской скуке – о настоящих преступлениях сообщать нельзя – годился и башмак под колесом.

«Это шалостью не назовешь!» – зарычал батя, увидев газету. И впервые в жизни выпорол меня ремнем. Ну как же: он – коммунист, доктор, завотделением кардиологии, а сын его публично позорит! Я не разговаривал с ним месяц... И, пожалуй, не простил до сих пор. Есть те, кого бить можно и кого нет. Меня – нельзя.

В школе же заметка сделала меня героем. Особенно среди девочек: «Хулиган, детская комната милиции...» – слышалось, когда проходил мимо. Одноклассницы смотрели заинтересовано. Им очень нравились хулиганы.

Неприкаянный

С Женькой Дворовенко мы общались, как прежде. Ведь дружили наши родители. А Женька был номенклатурный. Его дед и бабушка – дети белоэмигрантов, родились в китайском Харбине. Вернувшись в Советскую Россию – не пропали. Дел стал главным инженером на крупнейшем в Белове автопредприятии. Высокий, худой, интеллигент с тонкими чертами лица. Из семьи он умер первым. На похороны пришли, пожалуй, тысячи. Гроб медленно везли, положив в открытый кузов грузовика, от дома на кладбище. Движение перекрыли, всю дорогу играл оркестр.

Женькина мама была звезда. О, тетя Наташа! Высокая, красивая брюнетка с породистым лицом, она часто и громко смеялась. Женщина–праздник. Тетя Наташа руководила цехом, где разливали лимонад и минералку. А иногда и вино: к ней приезжали кавказцы, пригоняли свои южные, с градусами, цистерны. Во время горбачевской войны с пьянством этот бизнес был покруче, чем у донна Карлеоне! Во всяком случае – по доходам. Тетя Наташа ездила стричься в Кемерово – 140 километров – не крюк, шила у портных десятки платьев и улетала на Кавказ кутить. Мужчины реагировали не нее остро, а она явно понимала в них толк. Муж – дядя Сережа – оставался дома. Он был мастером на шахте и зарабатывал колоссальные 500 рублей в месяц. Инженер, для сравнения, 120. Дворовенки купили квартиру в одном подъезде с Женькиной бабушкой, и это в СССР, где жилье официально не продавалось! Импортная мебель, цветной теле-

визор, одежда, какой в Белово ни у кого не было. Даже, журналы, которые они выписывали, были донельзя крутые. Каждый раз, приходя в гости, я рассматривал «Зарубежное военное обозрение» со всякими «Томогавками», «Леопардами» и «Хаймерсами» – за треть века до СВО.

Только вот сам Женька родителям был до лампочки. Он ночевал у бабушки.

– Мы телевизор допоздна смотрим, будем ему мешать, – говорила тетя Наташа.

Он никогда не был в пионерском лагере, его не возили отдыхать на Юг – тетя Наташа ездила одна. Высокий, крепкий, породистый – в мать, он рос бледным домашним цветком. Ни украсть, ни покараулить. Однажды его сильно избили в школе – сотрясение мозга. Второй раз – в собственном дворе. Язык тела Женьки – как он ходил, поворачивался, жестикулировал – увы, был языком жертвы. Здорового лба, которому можно вломить. Он рос бабушкиным внуком, неприкаянным, ненужным родителям. А тетя Наташа – умерла. В 47 лет разбилась на машине. Как говорят, была с мужчиной, и оба – навеселе. Шикарная черная «Волга» не вписалась в знакомый поворот и улетела в лесопосадки. Отец вглухую запил, Женька переехал к бабушке. Глубоко и страстно верующая, активистка местного прихода – сказались эмигрантские белогвардейские корни – она истово молилась за душу любимого мужа, беспутной дочери, за своего единственного внука, за его отца... Анфиса Петровна была добрая и силь-

ная женщина. Но Господь продолжал ее испытывать. Наверное, видел глубину сердца и понимал – выдержит.

Женька оформил опеку над бабушкой, и в армию не пошел. Поступил в Мед. Конкурс – огромный, но голова-то светлая. Стал встречаться с девушкой – тоже студенточка, учится в Кемерове, на входные, как и он, приезжает в Белово. Кудрявая брюнетка, скорее дурнушка, но красивых разбирают борзые харизматики, а Женька был рохля. Какой сам – такая и девушка. Встречались года два, и дурнушка его кинула! А тут еще и батя опустил. Ушел в запой и там остался. Часть оплаты за его «двушку» в центре внесли деньгами. Остальное – ящиками с водкой. Дядя Сережа позвал на помощь подругу из поселка им. 8 Марта. Пили вместе. Кончилась водка – жил у подруги, работал грузчиком на рынке. Оплата – продуктами. Тетя Наташа – умная женщина – как-то обронила: «Если я умру – сдохнет под забором». Как в воду глядела.

А Женька еще жил. После Лечфака, помыкавшись, зачем-то устроился на зону – в больничку Пятой колонии, в Кемерове. Зэки все быстро про него поняли – требовали то спирта, до дури, угрожали. Он носил. Жил у другой бабушки, кемеровской. Я тогда работал редактором газеты, и мне бесплатно доставались билеты. Позвонил Женьке:

– Хочешь на «Короля и Шута»?

– Конечно, какой вопрос!

В редакцию приехал с другом. Улыбка – через силу, кве-

лый, в глазах муть полощется. Говорили, он подсел на какую-то аптечную дурь: врачу достать несложно. Не знаю. Скорее просто обалдел от жизни. Когда умирает мать и кидает любимая, когда отец спивается, когда на работе зэки, а живешь ты у бабушки... Станешь мутным.

Он умер через несколько дней. Пришел после работы, сел за компьютер. Бабушка позвала ужинать. Сказал, что попозже. Позвал еще раз, не откликнулся, зашла. Женька сидел мёртвый. Оторвался тромб? Передоза? Не знаю. 29 лет.

Так Анфиса Петровна схоронила сначала мужа, потом дочь, потом единственного внука. Почему она не сошла с ума? Как вывезла? Почему пути Господа так тяжелы и извилисты? Почему Женька, дитя Его, так тяжело, странно и нелепо прожил свою жизнь? Я думаю и не нахожу ответа.

Кружка крови

О, Белово 80-х! Тупик, помойка, канава. Гаражи, развалины макаронной фабрики – мы звали ее «макаронка». Стройки, открытые подвалы... В Москве детям некуда пойти! Где искать приключений? Купить билет на скалодром? А в чем прикол?

У меня даже дорога до школы была полна неожиданностей. Слева – кочегарка с кучами угля, на них можно залезть, испачкавшись, как свинья. Справа – гаражи и стайки: пристроенные друг к другу сарайчики, где жители ближайших домов хранили свое барахлище. Между гаражами и стайка-

ми можно было пописать, покурить, сделать нычку, спрятав рогатку или что посерьезнее.

Однажды, первоклассник, я пришел из школы без портфеля.

– Ты куда его дел? – в шоке мама.

– Не помню...

Несемся рысцой в школу, спрашиваем у уборщиц. Нет, не находили.

– Вспомни, может куда заходил?

– Да, пописать!

Портфель нашелся между гаражей...

А в стайках кипела жизнь! Там кудахтали куры, хрюкали свиньи, рычали во время ремонта двигателем старые мопеды. Тогда говорили – хочешь трахаться – женись. Хочешь трахаться по-настоящему – купи «Карпаты». Этот мопед – чудо советской техники за 60 рублей – ломался практически сразу.

Однажды иду из школы и натыкаюсь у стайки на небольшую толпу. Из сарайчика вынесен стол, на столе – мертвая свинья. Толстый мужик в телогрейке погружает во вспоротое брюхо металлическую кружку, вытаскивает и пьет теплую кровь. Кровь дымится...

Ребенок в шоке? Вот еще! Каждое лето мы с пацанами ездили на «мясик» – мясокомбинат за городом, окруженный травами в рост человека. За «мясиком» вопреки всем правилам и нормам, в бурьяне гнили тучи костей, а среди них

шевелились опарыши – личинки мясных мух. Пацаны собирали эту мерзость для рыбалки. Самые отважные гонялись с палками за шныряющими среди костей крысами. Нынешний городской тинейджер, увы, лишен этих сомнительных удовольствий.

Самовары и чайники

– Ребята, у нас очень здорово! Мы учимся быстро бегать, играем в футбол и баскетбол, ездим на соревнования!

Сентябрь. Перед нашим классом стоит очередной зазывала. Тренер СДЮСШОР – специализированной детско-юношеской школы спортивного резерва – уговаривает записаться именно к нему. В Белове тьма бесплатных секций: легкая атлетика, футбол, хоккей, велосипедные гонки, борьба, бокс... Почти все пацаны куда-нибудь ходят. Записался на легкую – слово «атлетика» все пропускали.

– Ну что, чайники? Когда самоварами станете? – Анатолий Николаевич, тренер по легкой, с улыбкой осматривает нашу команду.

– Паша, ты в этой майке месяц ночевал! В таких на тренировку не ходят, – пеняет он самому расхристанному.

Сегодня нас много: четверг, игровой день! Не надо наматывать круги в холодном легкоатлетическом манеже. Не надо прыгать через планку в яму с песком. Сегодня – лапта! Лишь много лет спустя я узнал, что из нее вырос американский бейсбол с закованными в броню формы гигантами. А

тогда – трико с вытянутыми коленками, кеды и самодельная, грубо выструганная, деревяшка – бита.

Мы кочевая из секции в секцию. Подрос: хватит бегать – иди на борьбу. В качестве бонуса хитрые тренеры-борцы учили танцевать нижний брейк – крайне модный тогда танец с элементами акробатики. Если до брейка дойдет. В борцовской секции бушевал лютый, чисто по Дарвину, отбор. В пару для борьбы ставили тех, кто подходит по весу. Один два дня занимается, другой – два года. Новичка швыряли как куклу! Обидно, больно, но заплакать – нельзя, стыдно. Балуешься – 50 отжиманий. Опоздал на тренировку – тренер «пробивает тапком»: звонко, под всеобщий хохот, лупит снятым кедом по ягодице.

Большинство, покрывшись синяками и ушибами, уходило в первые недели. Меньшинство оставалось и становилось чемпионами. Через считанные годы из этих пацанов со сломанными ушами выросли первые беловские рэкетеры.

Моей любовью стал бокс. Тренер – Владислав Алексеевич – сразу поступил мудро: новичков стал ставить с новичками. Когда против тебя такой же тьюфяк, все в твоих руках. Точнее – в перчатках! Но впахивали на износ: шесть двухчасовых тренировок в неделю. А по воскресеньям – спарринги: такие же, как настоящие, по три раунда, но тренировочные бои. Со зрителями – мамами, папами, друзьями.

Ох, наш зальчик на третьем этаже в спортклубе «Спартак»! Он будет снится мне до конца жизни. Запах кожи –

от мешков, перчаток и настенных подушек, крутой запах пота, хлопки ударов, свист скакалки... Это лучшее, что было в детстве! Ради бокса я бросил курить: если не хватает дышалки – «срубают» в первом же раунде. А главное, я научился драться: пожалуй, главный в Белове навык. Впрочем, о драках потом. А пока из мелкого лоха, любителя книжек, я превращался в резкого самоуверенного типа. Костяшки моих кулаков стали красными и разбитыми, я стал чемпионом двух городов – Белова и Ленинска-Кузнецкого, чем дико гордился. Я прыгал на скакалке лучше любой девчонки: на одной ноге, на другой, во время бега на месте. Одни подскок на ногах – два оборота скакалки: умеете такое? Дышалка забивается секунд за десять.

А еще я познал вкус победы: куда круче оргазма. Ты делаешь вид, что бьешь левой, соперник уклоняется, чуть раскрывшись, и тут же накидываешь правой прямой в голову. Простейший трюк, но я поймал многих! О, этот кайф, когда удар прошел и ты почувствовал, как качнуло соперника. Иногда он падает, а ты, под счет рефери, идешь в свой угол. Я его вырубил: самое крутое ощущение в жизни. Первые деньги, первая должность, первая квартира, первая машина – все меркнет перед этой вспышкой. Я его вырубил. Я его, сука, вырубил!

Сибирский индеец

Он был телеут. Телеуты – сибирские индейцы. Они живут

в Беловском районе – в поселках Беково и Улус. Их родные кочевья отобрали белые: распахали под пшеницу, напластали чудовищных ям – угольных разрезов. Телеутов было много на Беловском рынке: их женщины плели и продавали прекрасные веники для побелки, предлагали и саму известь.

И вот Коля. Худой, смуглый, узкоглазый, немногословный. Он приезжал на тренировки из Беково – это минут 40 на автобусе. По беловским меркам – край света, другой мир. Коля был боец. У людей разные таланты. Кто-то красиво поет, кто-то гениально готовит, кто-то лихо, как Мавроди, жульничает. А Коля умел драться. Тихий, не агрессивный, застенчивый, он резко менялся в ринге. Быстрый, верткий, выносливый, как монгольский конь – сказывалась жизнь на свежем воздухе – он бил всех и всегда.

Мы очень любили Колю и надеялись на него, а он вдруг пропал. До соревнований – две недели, пацана нет! Что делать? В сельсовете Беково, конечно, есть телефон. Но попробуй дозвонись. А если дозвонишься, как узнаешь, что с Колей? Уговорить, чтобы кто-то пошел узнать? Ну-ну... Тренер не знал, что делать. И вдруг Коля появился. Мы обступили его.

– Ты же знаешь про соревнования! Ты вообще где был?!

– Дом строил...

Каменное лицо индейца, ни один мускул не дрогнул.

Ну да, Коля строил дом. У маленького мужчины есть дела поважнее, чем махать руками в перчатках.

Коля круто поднялся. Стал кандидатом в мастера спорта, выиграл первенство страны. Его ждало будущее, яркое, как солнце Сибири. Другой наш земляк, но не телеут, а шорец – это родственные племена, Юрий Арбачаков сумел стать чемпионом мира среди любителей, потом несколько раз – среди профи. Он уехал в Японию, там женился, вернулся в Россию с японской женой. А Коля остался в Беково... В Беково пьют. У телеутов, как у индейцев, нет гена, расщепляющего алкоголь. Каждый раз, много лет спустя, проезжая через деревню на машине, я обруливал уже в десять утра вдупель пьяных мужиков. Был, оказывается, среди них и Коля. Однажды, выпив в баре, он подрался, угодил в тюрьму, отсидел. Вышел. В апреле 2007-го 32-летний он ехал с отцом Григорием на «десятке». Машину вел их земляк – 36-летний мужик. Вся компания, по словам очевидцев, была навеселе. «Десятка» летела на высокой скорости. Перед мостом через реку Малый Бачат у нее лопнуло колесо. Машина перевернулась и ухнула камнем в разлившуюся речку. Водитель выбрался, а отца и сына только на следующий день подняли водолазы – разбив в «десятке» форточку. Отец перед смертью обнял сына Колю, его еле вырвали из рук, рассказал мне впоследствии глава Беково Анатолий Ускоев.

И вот я пишу о тебе, Коля Кочубеев. Боец, чемпион, сибирский индеец, пропащая душа.

Лето в Белове – дрянь. Жарко, пыльно, купаться негде. Единственная речка, Бачатка – за городом, мелкая и грязная. Поэтому меня возили в другое Белове – Капчагай. Такой же городишко, но на юге Казахстана – там жили дедушка с бабушкой. Русские среди казахов. Ехать в Капчагай нужно было по железной дороге – той самой, Восточной магистрали, описанной в «Золотом теленке». Ох и дорога! Одноколейная, без электричества, сквозь раскаленные добела степи поезд тянет тепловоз. Окна, понятно, настежь, и в них затягивает черную, как сажа, дизельную копоть. Выходишь в Семипалатинске – лицо черное! И руки. И футболка. Постель тоже черная. Уют Мексиканской революции.

Смотря в окна можно медитировать. Желтая степь, желтое солнце – словно лампочку в 100 ватт забыли выключить. А вдоль дороги – города мертвых. Кладбища в Средней Азии – улицы склепов. Покойных принято уважать, склепы соревнуются в великолепии. Круче всего, когда проезжаешь кладбище, а над ним – полная Луна. Наверное, сама смерть в этих песках, не такая, как в России: проще, спокойнее, мистичнее.

Время от времени поезд встает на совершенно диких полустанках, и его берут штурмом кочевники. Они везут в город баранов – продать на рынке. Бараны – мертвые, весь коридор в крови. Проводники кочевников с баранами пускать не хотят, те лезут, вместе с тушами, буквально в окна! Билетов, понятно, нет – поезд переполнен, но начальник полу-

станка не дает зеленый свет, пока все земляки не умнутся. А как им еще зарабатывать? Баранов друг другу продавать?

Поезд через Казахстан – движущийся рынок. Носки, шарфы, изюм, батарейки, посуда, кроссворды – за час через вагон проходит 10-12 торговцев. На каждой станции тебя хватают за руки: копченая колбаса (из Семипалатинска, с радиацией, шутят пассажиры), яблоки, персики, сливы. А вот вареной картошки нет – не растет здесь. На рынке продают завозную, килограммами, о дикость! У нас в Сибири ее предлагают только ведрами: три рубля десятилитровое.

Вагон потный, шумный, вонючий – как общая камера в Бутырке. Вдруг бах! Окно в соседнем купе трескается, а сидящая на боковушке девушка хватается за лицо. Посекло осколком. Дети из пролетающих мимо аулов – балуются: кидают в проходящие поезда камни. Кстати, лет через 15 казахи к этому привыкли, и окна стали закрывать снаружи сеткой-рабицей.

Верблюжья колючка

Капчагай – Белово у моря. Ну как море – Капчагайское водохранилище. Сюда, однако, каждые выходные приезжают из Алма-Аты толпы: всего-то час на машине. Город, заросший хрущевками, стоит посреди степи. Хрущевки – низкорослые, четыре этажа – сейсмоопасная зона. Окна в домах не открываются: все щели замазаны слоем пластилина – иначе песком занесет всю квартиру. Открываются только форточки. Жарко настолько, что мой дед Павел спит исключитель-

но на балконе – там у него под тентом кровать. На голову он надевает колпак – от комаров. Мы, дети, ходим по городу босиком: азиатские гавроши. Ведь даже асфальт покрыт слоем песка, а газонов нет вовсе. Любая обувь забивается песком за пять минут прогулки. Ходить босиком – нужна сноровка. песок горячий и полон верблюжьих колючек – ловишь через каждые десять метров. А попробуйте по обжигающему песку, наступая на колючки, играть в футбол! Мяч кожаный, тяжеленный, пальцы выбиваются на раз. Но день, два, три и ты уже забываешь про сандалии. Однажды, зазевавшись, я наступил босой ногой на угли тлеющего костра. Как дошел до дома – не помню. Но баба Маша где-то нашла гусиного жира, стала мазать рану и через три дня зажило как на собаке.

Капчагай – Белово наоборот. Каждый день – плюс 40 и жарче. Однажды было плюс 20, и народ переделся в плащи! Город завешен фруктами, как новогодняя елка игрушками: абрикосы, персики, яблоки, груши, вишня – протянул руку, сорвал, съел. Самый модный у пацанов аксессуар – палка с примотанной на конце толстой проволокой. Ходишь и наклоняешь ветки с плодами. Но – дети есть дети. Мы все равно грабили чужие сады – там казалось вкуснее!

А казахи? У меня появились друганы: Ильдос, Ержан, Бахыт, Булат, Серик. Соседскую девочку звали Карлагаш – Ласточка. Ее мама – медсестра вытрезвителя – занималась сквоттингом еще в СССР! Захватила пустующую «двушку» на нашем этаже, закупила продуктов и держала осаду до тех

пор, пока хозяева не отстали. Железная ханум!

Каждая квартира, где жили казахи, немножко напоминала юрту. В большой комнате стоят стол на коротеньких ножках. Сидеть за ним полагалось в позе полулотоса, скрестив ноги. Сначала ели мужчины, потом – женщины.

Казахи – спокойные, дружелюбные, веселые. «Вот Никита – Батыр, а ты – мешок с хлопком!», – смеется отец Булата, когда я поборол его сына. «Бар, балам, шелпек жеу»: «иди, мальчик, есть лепешки» – говорят местные белоголовому русскому пацану.

Кстати, все советские лозунги на баннерах дублируются на казахском. Выглядит забавно: буквы – русские, а слова непонятные. Позднее звезда советского standup Михаил Задорнов отлично обыграл ситуацию: «Ленин – кыш, Ленин пыш, Ленин – тахтомыш» – это же антисоветчина!» – привел он в пример перевод лозунга «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

Была ли дружба народов? Была. Правда, уже тогда, Капчагай болел разделением на районы. «Не ходи на стадион, там двадцатидомики собираются, они тебя побьют», – предупреждали ребята со двора. «Двадцатидомики» – пацаны, живущие в 20-ом доме – кто бы помнил, какой улицы. А мы были «втородомики» – жили во втором. И ребята постарше между собой дрались. Похоже, весь Союз плавно въезжал в эпоху уличных банд.

Почти Бразилия

Капчагай – трясло. Да, город в степи, но совсем близко, на горизонте – снежные вершины гор Тянь-Шаня. Оттуда и докатывались подземные волны. Однажды вдруг качнулась люстра, а дед, лежащий на диване, свалился на пол. Землетрясение! Дитя равнин, я в панике, на автопилоте, рванул на улицу. Но кроме меня никто не выбежал. Ну трясет и трясет, привыкли.

Город был полон азиатской экзотики, как шляпа фокусника – всякой всячины. По Капчагаю, например, деловито бегали ежики – словно какие-нибудь кошки. Время от времени они попадали под редкие машины и на дорогах оставались колючие лепешки. А еще в Капчагае на правах хозяев жили черепахи. Увидишь, сядешь рядом, а она голову в панцирь прячет. Срываешь травку и выманиваешь. Нет, не вылезает, ах ты бояка!

Капчагайское водохранилище вело себя странно. Пойдешь с бабушкой купаться, а берег на километр отступил! Идешь-идешь по раскаленным пескам, а они все не кончаются. Зато в Капчагайском «море» – так его называли, жили огромные, в метр длинной, сомы. Придешь в рыбный магазин, а они лежат: еще живые, рты разевают и усами шевелят! И трогаешь их скользкую прохладную чешую...

Наше главное развлечение – футбол. Снега здесь не бывает, поэтому играть можно круглый год, на песке. Ну чисто Бразилия! «Не смотри на мяч, смотри на поле – кому пас отдать», – учит меня друг Серик. Если мяч улетел в кусты –

«Не беги, береги силы для игры, пусть другой сбегает». Это ведь не только про футбол, правда?

А еще играли в пробки – чисто казахская фишка. Находишь на улице металлические пробки, плющишь камнем до плоской лепёшки, сминая края. Набиваешь в карман, приходишь на игру. Каждая пробка имеет цену. Самая простая – из белого металла, от газировки. Она так и называется – «простая». Пробка покруче – «каратист»: такая же по форме, но цвета хаки. Ещё круче – от пепси-колы. Пробок – с десятков видов. Но самая крутая – с надписью «Dopna». Каждая крутая пробка имеет эквивалент из рядовых. «Каратист» – четыре «простых», «пепси» – восемь. Во время игры ты прячешь пробку или несколько в кулаке, а потом открываешь ставку. У кого ставка выше, тот берёт пробки всех участников и кладёт их на ладонь. Затем – мягко подбрасывает вверх и, перевернув ладонь, пытается поймать их на тыльную сторону. Ох, тут нужна точность! Затем – новый подброс вверх, с тыльной стороны. Пока летят – лови в ладонь сколько сможешь! Что поймал, то и выиграл! Что упало – тем же макаром пытаются выиграть соперники. Вторым кидает тот, чья ставка по величине чуть ниже твоей. Рубились – часами!

Зачем я это рассказываю? А затем, что айфоны и VR-очки – это ненадолго. Потные ладошки, стук пробок, гримасы, споры до драк – все вернется. Ведь мы не алгоритмы, а люди. Запишите правила.

Ох, Капчагай... Незакрытый гештальт. Повзрослев, я

рвался вернуться. И даже разработал план побега из пионерского лагеря. Суть: говорю вожатым, что меня забирают со смены родители. Собираю чемоданчик, а сам – на жд вокзал! Покупаю билет – тогда продавали без паспорта – 1,5 суток в пути и я на месте. Поживу недельку и вернусь к родителям: типа из пионерлагеря приехал! Отличный план, правда? Только вот ехать было уже к кому...

Боюсь, когда храпят

Тот год был жутким, как у Оруэлла – 1984. Сначала погиб дедушка: поехал в соседнюю Алма-Ату и попал под машину. Бабушка жила с нами, в Белово, и съездила его похоронить. А через три месяца отправилась вслед за бабушкой – уже на конечную станцию.

Ох, бабушка, баба Маша... Она была мне второй мамой – банально, но так. «Вырастешь – станешь инженером, большим человеком», – любила она повторять, родившаяся еще до революции и Первой Мировой – в 1912-ом. Инженером я не стал...

Мы спали в одной комнате на соседних кроватях и в ту ночь я проснулся от храпа. Утром хотел сказать – «Баба, ты храпела, спать мне не давала!» Ворочаюсь, хочу ее растолкать, но тут в комнату входит мама: пошла в туалет и услышала жуткий храп. Точнее – хрип. Из рта бабушки шла пена. Инсульт. Телефона в квартире не было, и мама бросилась будить соседей – звонить в «скорую». Бабулю мог бы спасти

мой отец, кардиолог, но его не было дома – уехал в отпуск в Болгарию. Мама сразу отправила меня, в одних трусах, к соседям – чтоб не видел весь этот ужас. Когда приехала «скорая», бабушка уже умерла...

Мой младший брат, Антоха, был полутора лет и ничего еще не понимал. Мне – без нескольких дней девять, и я тоже понимал плохо. Как это бабушка умерла? Вот же мы спать ложились, спокойной ночи друг другу... Бабушка не говорит, не дышит, лежит голая на столе в зале (я заглянул в щелочку между дверями), ее обмывают подружки-соседки. С телом понятно. Но где сама бабушка?! Ну та, которая говорит, смеется, расчесывает длинные седые волосы? Она ж никуда не могла деться! Нет, так не бывает!!!

Мама отправила меня на тренировку – подальше от похоронных хлопот. Я встал в соседнем дворе, среди гаражей, лопухов, деревянных сарайчиков и попытался заплакать. Хрен. Только ком в животе. Низкое, невнятное, словно из ваты, небо. Тихо и где-то внутри очень-очень больно. Что было дальше – не пойму до сих пор. То ли детская психика по-быстрому сколотила барьер, то ли Всевышний по нестриженной голове погладил. Откуда пришло понимание: не умерла. Жива, жива, все в порядке... Просто переселилась. Туда, где все живы.

Похороны в Белове – просты и величественны. У подъезда, в квартире которого умер человек, выставялась крышка гроба. Значит, в доме покойный. Люди проходят мимо с

любопытством и почтением. Перед тем, как везти на кладбище, покойного всегда привозят из морга в квартиру, гроб выставляют на табуретках, и в квартиру заходят соседи, знакомые, друзья – попрощаться. Иногда, редко, родственники приглашали священника – отпеть. Затем гроб без крышки выносят и кладут в кузов грузовика. Машина медленно едет на кладбище, за ней всегда – толпа и всегда играет оркестр. Бабушку хоронили так же... Кто она была? Простая пенсионерка, прихожанка местной деревянной церквушки, отдавшая жизнь детям и внукам. А ее провожали толпа и оркестр!

Сейчас хоронят плохо. Никаких крышек гробов у подъезда, никаких траурных процессий, прощание – в ритуальном зале, куда не все доедут. Умершего не чествуют, а незаметно эвакуируют. Был и нет. Смерть стала мельче. А значит и жизнь тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.